

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.007

УДК 929.52Янковские + 325.2(470:519.3) +
+ 316.614**С. В. Смирнов***Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

СЕМЬЯ ЯНКОВСКИХ: СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В КОРЕЕ (1920-е — начало 1940-х гг.)

Одной из наиболее важных проблем в изучении эмигрантских сообществ является проблема социальной адаптации эмигрантов к условиям новой социально-культурной среды, анализируемая как на уровне эмиграции в целом или региональной эмигрантской колонии, так и на уровне отдельной семьи или индивида. Настоящая статья посвящена анализу предложенной нами «клановой» модели социальной адаптации эмигрантов на примере дальневосточного семейства Янковских, эмигрировавшего в Корею. Основываясь на материалах источников личного происхождения, главным образом мемуарной литературе, мы выделили факторы, обеспечившие успешность процесса социальной адаптации клана Янковских. К таким факторам были отнесены характерные для Янковских тип семьи и способ социализации, ориентировавший младшее поколение на семейные ценности с их сильным национальным компонентом и семейную профессиональную сферу; наличие серьезного семейного капитала и его рациональная реализация; принадлежность семьи к культуре фронта и достаточно благоприятный социальный контекст колониальной Кореи. При этом одновременно действовали две противоположные тенденции: принадлежность к культуре фронта создавала благоприятные условия для интеграции семьи в новую социально-культурную среду, а ведущая роль национального компонента в системе семейных ценностей, ориентация на его сохранение и поддержание способствовали диаспоризации эмигрантского сообщества. «Клановая» модель социальной адаптации русских эмигрантов может быть использована для изучения процесса приспособления крупных эмигрантских семей к новой социально-культурной среде в других регионах Дальнего Востока и, прежде всего, в Северной Маньчжурии (Харбин).

Ключевые слова: русская эмиграция; социальная адаптация; Янковские; Корея; Новина; семейный капитал; фронтирная культура; социализация

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-59-51004 «Роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах сообществ русских эмигрантов в Корее и корейской общины Урала)».

Цитирование: *Смирнов С. В.* Семья Янковских: социальная адаптация русских эмигрантов в Корее (1920-е — начало 1940-х гг.) // Известия Уральского

федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 99–113. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.007>

Поступила в редакцию: 09.04.2020

Принята к печати: 15.12.2020

Sergei V. Smirnov
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

THE YANKOVSKY FAMILY: SOCIAL ADAPTATION OF RUSSIAN EMIGRANTS IN KOREA (1920s – Early 1940s)

One of the most important problems in the study of émigré communities is the problem of social adaptation of emigrants to the conditions of the new sociocultural environment. This issue is analysed both at the level of emigration as a whole or a regional emigrant colony and at the level of an individual family or individual. This article is devoted to the analysis of the “clan” model of emigrants’ social adaptation proposed by the author with reference to the Far Eastern Yankovsky family, who emigrated to Korea. Based on materials of private sources, mainly memoir literature, the author identifies the factors that ensured the success of the adaptation process of the Yankovsky clan. These factors include the Yankovsky family type and method of socialisation, which implied the younger generation’s focus on family values with their strong national component and family professional sphere; the presence of serious family capital and its rational implementation; belonging to the family culture of the frontier and a fairly favourable social context of colonial Korea. At the same time, two opposite trends were simultaneously operating. Belonging to the frontier culture created favourable conditions for the integration of the family into the new sociocultural environment, and the leading role of the national component in the system of family values, orientation towards its preservation and maintenance, contributed to the diasporisation of the émigré community. The “clan” model of Russian emigrants’ social adaptation can be used to study the process of adaptation of large emigrant families to the new sociocultural environment in other countries of the Far East and, above all, Northern Manchuria (Harbin).

Key words: Russian emigration; social adaptation; Yankovsky; Korea; Novina; family capital; frontier culture; socialisation

Acknowledgements

This work was supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, grant 19-59-51004 “The Role of Diaspora Communities in the Socio-Economic and Cultural Development of Russia and Korea in the 20th Century (Based on the Materials of the Communities of Russian Emigrants in Korea and the Korean Community of the Urals)”.

For citation: Smirnov, S. V. (2021). Sem'ia Yankovskikh: sotsial'naiia adaptatsiia russkikh emigrantov v Koree (1920-e — nachalo 1940-kh gg.) [The Yankovsky Family: Social Adaptation of Russian Emigrants in Korea (1920s — Early 1940s)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 99–113. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.007>

Submitted: 09.04.2020

Accepted: 15.12.2020

Русская эмигрантская колония в Корее, сформировавшаяся в начале 1920-х гг., в сравнении с колонией в Китае и даже Японии была малочисленной и «незнаменитой». В середине 1920-х гг. она составляла не более трехсот человек, большей частью проживавших в Сеуле, и практически не имела громких имен. Небольшие размеры эмигрантской колонии и недостаточность исторических источников о ее жизни не позволили исследователям в достаточной мере осветить историю русских эмигрантов в Корее [Волков; Капран; Симбирцева, 2000; Шкаровский; Clark]. Едва ли не единственным исключением на этом фоне выступает история семьи Янковских, охотников, оленеводов, помещиков, известность которых вышла далеко за пределы Русской Кореи [Иванов-Ардашев; Петров; Симбирцева, 2007; Clark; Simbirtseva]. Изучая процессы социальной адаптации русских эмигрантов в странах Дальнего Востока, мы обратились к истории этой семьи как уникальному примеру успешного приспособления социальной группы («клан» Янковских) к новой социально-культурной среде в условиях эмиграции.

Проблема социальной адаптации эмигрантов в исследовательской литературе

Социальную адаптацию мы рассматриваем как процесс внутренней и внешней трансформации индивида (социальной группы), оказавшегося в новом социально-культурном окружении, в направлении растущего соответствия и совместимости с новым обществом. Адаптация являет собой динамичный, длящийся во времени процесс, своего рода континуум, на одном конце которого дезадаптация или отторжение новых социальных условий, на другом — ассимиляция, предполагающая полный отказ индивида от старой культуры и включение его в новую социальную систему. Адаптацию не стоит путать с моделью интеграции, предполагающей взаимное приспособление индивида и нового общества, т. е. процессом двухсторонним. Адаптация выступает односторонним действием, где изменения ожидаются только со стороны индивида [Судьбы людей, с. 243–246; Нитобург].

Многочисленные исследования, посвященные социальной адаптации эмигрантов (мигрантов), демонстрируют разнообразие мотивационных установок, форм, аспектов и уровней изучаемого явления.

Мотивационные установки, определяющие ход и особенности социальной адаптации, связаны с характером миграции. Исследователи разграничивают адаптацию добровольных и вынужденных мигрантов и беженцев. В отличие от вынужденных мигрантов, чей тип поведения определяется в некоторой степени рациональным выбором, у беженцев рациональный выбор отсутствует [Айрапетов].

По формам различаются добровольная и вынужденная, или внешняя (функциональная) и внутренняя (ценностно-нормативная) адаптация. Добровольная адаптация имеет место тогда, когда согласованные в процессе соотношения личности со средой или не подлежащие такому согласованию новые ценности и способы действия, которые предполагает социальная среда, не противоречат «скорректированной» или прежней системе ценностных ориентаций, открывшимся возможностям. Вынужденная адаптация осуществляется, когда направления и методы преобразований не соответствуют, противоречат представлениям, установкам индивида, который, однако, не может не считаться с ними, не содействовать их реализации, дабы удовлетворить свои жизненно важные цели [Шабанова, с. 83]. Вынужденная адаптация протекает главным образом в функциональной форме, предполагающей изменение поведения индивида и согласование его с нормами социального окружения, при том что базовые ценности личности и индивидуальные нормы остаются незатронутыми — в отличие от ценностно-нормативной адаптации, означающей трансформацию индивидуальных норм и ценностей и изменение их в соответствии с общественными [Судьбы людей, с. 244].

В качестве основных аспектов адаптации эмигрантов, представленных в научных работах, можно выделить правовой (политико-правовой или социально-правовой) [Бочарова; Галас; Наземцева; Сумская], социально-психологический [Волошина; Фрейнкман-Хрусталева, Новиков; Щупленков], экономический (социально-экономический) [Галас; Сумская; У, Цю], культурный [Говердовская; Ипполитов; Ставров].

Категория уровня процесса социальной адаптации в нашем случае соотносится с единицей, осуществляющей данный процесс, которая в исследованиях варьируется от самого крупного масштаба — русская эмиграция первой волны (Русское Зарубежье) или региональная эмигрантская диаспора [Бочарова; Галас; Сумская; Хисамутдинов], до самого мелкого — социальной группы или индивида [Волошина; Ипполитов; Смирнов; У, Цю].

Изучая процесс социальной адаптации русских эмигрантов в Корее, мы исходим из того, что по своему характеру процесс эмиграции русского населения с российского Дальнего Востока в сопредельные страны был вынужденным, зачастую принимая форму беженства. Поэтому адаптация протекала главным образом в вынужденной форме с ее функциональным характером приспособления. Объектом исследования для нас выступает конкретная семья эмигрантов на протяжении 1920-х — начала 1940-х гг. В связи с этим в фокусе нашего анализа находятся такие характеристики, как: 1) тип семьи и способ социализации,

организующийся вокруг трансляции моделей поведения, ценностей, различного рода ресурсов [Берто, Берто-Вьям, с. 107]; 2) семейный капитал, включающий в себя финансовое положение семьи (доходы, условия жизни, систему обеспечения), систему социальных связей и культурный статус семьи (система ценностей, семейных отношений и эмоциональных связей) [Судьбы людей, с. 326]; 3) механизмы социальной адаптации, представленные в адаптационных стратегиях; 4) результат социальной адаптации, который может рассматриваться только как промежуточный, поскольку социальный контекст, в котором протекала деятельность эмигрантов в изучаемый период, не являлся устойчивым.

Исследовательский объект определил соответствующий метод изучения и источниковую базу. Методологическую основу исследования составляет биографический метод. Документальная база представлена в основном источниками личного происхождения, продуктом творчества как членов семьи Янковских (прежде всего Валерия Юрьевича Янковского) [Шорохи прошлого; Янковский], так и людей, хорошо их знавших [Гинце; Ильина-Лаиль].

Семья Янковских в Корее

В предреволюционный период семья Янковских была одним из известнейших семейств русского Дальнего Востока. Основателем семьи дальневосточных Янковских являлся ссыльный польский шляхтич, участник восстания 1863 г. Михаил Иванович Янковский. В 1879 г. Михаил Иванович обосновался с семьей в бухте Сидеми на полуострове в Амурском заливе (сейчас полуостров Янковского) и практически с нуля создал здесь образцовое хозяйство. Янковские занимались коневодством (поставляли строевых лошадей Военному ведомству), оленеводством, выращиванием женьшеня, лесоводством, промысловой охотой, имели книготорговлю во Владивостоке. Помимо всего прочего Михаил Иванович добился научных успехов в области географии, энтомологии, орнитологии и археологии, являлся членом Общества изучения Амурского края. У М. И. Янковского было четыре сына и две дочери.

Наследником и продолжателем дела Михаила Ивановича стал его второй сын Юрий, возглавивший в 1906 г. хозяйство в Сидеми. Семейное хозяйство успешно развивалось до 1922 г., пока последнее белое правительство Приморского края не оказалось перед угрозой ликвидации со стороны большевиков. Накануне краха белого Приморья Юрий Михайлович посетил Сеул, где договорился с японскими колониальными властями о покупке дома и участка земли в портовом городе Сейсин (современный Чхонджин) и переезде сюда своей семьи.

В сентябре 1922 г. семейство Янковских и часть их служащих общей численностью около 70 человек переехали в Корею. Помимо собственной семьи Юрия Михайловича (жена, две дочери и три сына) с ним в Корею уехали сводный брат Александр, младший брат Павел с женой, вдова брата Яна Ангелина Михайловна с новым мужем и тремя дочерьми, приемная дочь Злата с мужем, племянник Василий (один из семи детей покойной сестры Юрия Михайловича

Елизаветы) и еще ряд родственников. В 1925 г. к семье присоединилась бежавшая из СССР мать Юрия Михайловича Ольга Лукинична.

Янковские смогли вывезти в Корею только небольшую часть хозяйства семьи, главным образом породистых лошадей. Однако развернуть коневодство в Сейсине не удалось. Служащих пришлось отпустить, часть членов семьи начали самостоятельную жизнь. После краха коневодческого хозяйства Янковские содержали пекарню и лавку скобяных товаров от немецкой фирмы из Тяньцзина, работали на стройке, выступали в качестве жокеев на скачках, занимались рыболовством и засолкой рыбы [Янковский, с. 201, 202, 312, 313], но из-за давления местных рыбаков были вынуждены оставить это занятие [Clark, p. 48]. Важным подспорьем в обеспечении семьи являлась промысловая охота и организация сафари для состоятельных иностранцев [Янковский, с. 202].

В 1925 г. Ю. М. Янковский арендовал, а позднее выкупил в собственность большой участок земли в 40 верстах к югу от Сейсина, недалеко от японского курорта Омпо. В ближайшие годы здесь было построено поместье семьи, получившее название Новина. В начале 1930-х гг. Янковские приобрели еще один большой участок земли на побережье Японского моря в 18 км от Новины, ставший основой дачного поселка Лукоморье. В Новине и Лукоморье Янковские продали небольшими участками часть своей земли в основном русским эмигрантам под строительство дач и сами организовали курортный комплекс. Но главный доход семье приносило созданное в начале 1930-х гг. оленеводческое хозяйство и промысловая охота [Там же, с. 322, 323]. Хозяйственная деятельность Янковских в Новине и особенно промысловая охота создали им широкую известность. О них писала корейская¹ и американская пресса [Убежище русских «белых»...; Price], а также отдельные путешественники и писатели [Bergman; Ossendovski].

За исключением старшей дочери Юрия Михайловича Ливии (Музы), которая уехала в Шанхай, все остальные дети (Виктория, Валерий, Арсений и Юрий), а также часть других родственников жили в Новине и активно участвовали в создании материального благополучия семьи. Только после повторного брака в 1941 г. Юрия Михайловича (его жена скончалась от рака в 1936 г.) семья стала распадаться. Старший сын Валерий перебрался в соседнюю Маньчжурию, где организовал собственное хозяйство — Тигровый хутор. Вскоре к нему присоединился младший брат Юрий и позднее сестра Виктория. Однако настоящий конец семье Янковских положил 1945 год. Несмотря на то, что все три сына Юрия Михайловича служили в период советско-японской войны переводчиками в частях Красной армии, двое из них были арестованы (Арсений с женой сумел бежать в Южную Корею). В Новине был арестован сам глава семьи и его племянница Татьяна, а имущество Янковских разграблено.

¹ В частности, в 1938 г. Янковским были посвящены три статьи в корейской газете «Чосон ильбо», переведенные на русский язык Т. М. Симбирцевой.

Роль семьи в процессе социальной адаптации

Многочисленные свидетельства, касающиеся семьи Янковских, позволяют утверждать, что социальная адаптация Янковских была успешной. На это указывают такие показатели, как высокий уровень благосостояния семьи; сохранение в целом прежних видов деятельности и образа жизни; достаточно высокий социальный статус.

В самом деле, испытав в начальный период эмиграции резкое падение благосостояния, семья под руководством Ю. М. Янковского сумела восстановить его почти до предэмиграционного уровня. В 1930-е гг. Янковские считались людьми успешными и состоятельными не только среди русских эмигрантов в Корее, но и в соседних странах. М. М. Гинце, сын близкого друга семьи Янковских, неоднократно бывавший в детстве в Новине и Лукоморье, писал о Юрии Михайловиче как о человеке «зажиточном, известном на весь Дальний Восток помещике», пользовавшемся со своими сыновьями мировой славой следопыта и охотника [Гинце, с. 421].

При этом Янковские, в отличие от большинства эмигрантов, почти без изменений сохранили свою традиционную сферу деятельности и образ жизни. Хозяйство Янковских в Новине в 1930-е гг. включало в свой состав оленник (около 80 пятнистых оленей, 15 пантачей) и коровник, пасеку, фруктовый сад. Серьезной статьей доходов являлась промысловая охота. Единственным новым занятием стал курортный бизнес, который Янковские успешно освоили. Ежегодно Новина и Лукоморье привлекали десятки зажиточных русских эмигрантов из Кореи и Китая, а также иностранцев. Среди гостей Янковских бывали высокие чины из губернского города Ранан, столицы Кореи — Сеула, из Маньчжоу-го, и даже сам корейский генерал-губернатор — генерал Коисо Куниаки [Янковский, с. 355].

Хорошая репутация, состоятельность, благорасположение со стороны японских властей обеспечили достаточно высокий социальный статус семьи, несмотря на отсутствие устойчивого правового статуса, — Янковские оставались эмигрантами, т. е. в правовом отношении людьми, практически ничем не защищенными.

Какие факторы определили успешность процесса адаптации Янковских?

Прежде всего тип семьи и особый характер межличностных отношений, приведший к созданию настоящего семейного клана, а также опора на семейные ресурсы.

Дореволюционная Россия по укладу семьи преимущественно принадлежала к патриархальному типу, ее основной формой являлась расширенная семья из трех поколений. Система воспитания в раннем детстве носила внутрисемейный характер. Семейная поддержка, «семейственность», была одним из факторов становления жизненной карьеры отпрысков на протяжении их взрослой жизни [Судьбы людей, с. 327, 328]. Семья Янковских соответствовала всем этим характеристикам и являлась более крупным образованием, напоминавшим

клан, который сложился еще в России, в Сидеми, а потом достаточно успешно функционировал в Корее.

Главой клана являлся второй сын основателя семейства М. И. Янковского Юрий Михайлович, уважительно именовавшийся членами клана «Папа-Тигр». По воспоминаниям его детей, Юрий Михайлович «был строг и требователен» и вообще был человеком двужильным, постоянно несшим заряд энергии и инициативы [Янковский, с. 313]. Аналогичные характеристики Юрию Михайловичу давали не только родственники. Например, О. Ильина-Лаиль в своих воспоминаниях отмечала: «Отец Виктории [Янковской] был человеком энергичным, очень властным, и дети повиновались ему беспрекословно» [Ильина-Лаиль, с. 69].

В первые годы эмиграции в состав клана Янковских помимо семьи самого Юрия Михайловича (самой старшей из его детей, Ливии, на момент эмиграции было 15 лет, самому младшему, Юрию, — 2 года) входили сводный брат Александр, младший брат Павел с семьей (в 1928 г. уехали в Шанхай, где Павел, являвшийся инспектором муниципальной полиции Французской концессии, был убит в 1940 г.) [Иванов-Ардашев, с. 18], семья умершего брата Яна Михайловича, мать Юрия Михайловича (умерла в 1933 г.), племянник Василий Пауэрс, ряд родственников из семейства Шевелёвых (к этой семье принадлежали жены Юрия и Яна), а также некоторые служащие из бывшего интернационального контингента в Сидеми. Так, в семье до самой своей смерти (1936) жила няня — японка Осада; работали православные корейцы Иван Чхон, Тимофей Магай и члены его семьи, забайкальский казак Хамин, Н. И. Соколов и др. В дальнейшем часть родственников отделились и стали жить самостоятельно, перебравшись в Китай, но сохранили связи с семейством Юрия Михайловича. В 1930-е гг. костяк клана вместе с Юрием Михайловичем и его женой составляли их повзрослевшие старшие сыновья Валерий (1911 г. р.) и Арсений (1914 г. р.) и дочь Виктория (1909 г. р.). Старшая дочь Янковских, Ливия, рано уехала в Шанхай, где вышла замуж [Шорохи прошлого, с. 138].

Прочности семьи способствовал особый тип социализации, включавший систему семейного воспитания и образования и преимущественную ориентацию на семейные ценности, которые в условиях эмиграции стали в том числе выражением ценностей национальных.

Все дети Юрия Михайловича получили семейное воспитание и большей частью обучались дома. Обучение за пределами семьи было краткосрочным. Так, Виктория еще до эмиграции некоторое время жила и училась в католическом монастыре в Кобе (Япония), а позднее в первый год жизни в Корее вместе с братьями Валерием и Арсением — в японской школе [Янковский, с. 313]. В дальнейшем Арсений некоторое время учился в Шанхае во французской школе [Шорохи прошлого, с. 148]. Основная же часть обучения проходила в семье, ответственной за что была жена Юрия Михайловича Маргарита Михайловна, которая, привлекая профессиональных русских преподавателей, дала детям (только Юрию не удалось завершить обучение из-за болезни и смерти матери) образование в объеме классической гимназии. По словам

О. Ильиной-Лаиль, «дети [Янковских] обожали свою мать, она была душой семьи» [Ильина-Лаиль, с. 69].

Обучение детей совмещалось с посильной работой. Все дети Янковских оказались рано вовлечены в укрепление материального положения семьи, приобретая навыки в семейной профессиональной сфере. Все дети были наездниками и прекрасными охотниками, слава о которых гремела по всему Дальнему Востоку, оленеводами и вообще не гнушались никакой работы в большом семейном хозяйстве. При этом существовало определенное разделение мужских и женских сфер хозяйства. Мужчины были преимущественно заняты промысловой охотой, оленеводством, снабжением всем необходимым курортных поселков, а женщины обеспечивали хозяйственную и культурную жизнь курортов — Маргарита Михайловна возглавляла хозяйство Новины, Виктория — Лукоморья [Гинце, с. 443; Янковский, с. 456].

Несмотря на значительную степень интеграции Янковских в местную иную культурную среду, их семейные ценности сохранили в основном национальный характер, выражавшийся в образе жизни, обычаях [Янковский, с. 448], в том числе приверженности православию. Янковские выступили организаторами церковного прихода в Новине, где своими руками построили церковь-часовню, штатным священником которой являлся постоянно проживавший в поселке о. Иоанн Тростянский [Гинце, с. 425]. Церковь обеспечивала духовные потребности клана Янковских и многочисленных курортников. Другим важным элементом национальной культурной жизни Новины выступал созданный усилиями Маргариты Михайловны домашний театр, имевший собственное помещение, в постановках которого участвовали члены семьи Янковских, некоторые курортники, а также профессиональные артисты — Е. И. Корнакова, В. И. Томский, В. В. Панова и др. [Янковский, с. 345].

Анализируя значение семейных ресурсов в процессе успешной адаптации Янковских, необходимо отметить более выгодное, нежели у большинства эмигрантов, финансовое положение семьи. Невозможность вывезти из России значительную долю собственности и крах коневодческого предприятия, конечно, сильно ухудшили финансовую ситуацию в первое время пребывания за границей, однако продажа части вывезенного имущества (катер-ледокол, автомобиль и др.) позволила экспериментировать в предпринимательской сфере. Но самое главное, семья получила разрешение от властей использовать большую часть вывезенного из России оружия (и полулегально пополнять запасы боеприпасов из собственного арсенала, изъятого японскими властями), что позволило организовать промысловую охоту и сафари [Там же, с. 202], обеспечившие семью более или менее стабильным доходом.

Другой важной составляющей семейных ресурсов являлся капитал связей. Ориентируясь на достижение экономической самостоятельности семьи, Юрий Михайлович большое внимание уделил приобретению земли. Благо это было возможным благодаря тому, что японские власти Кореи разрешали приобретение земли в собственность иностранцам и даже русским эмигрантам; в дальнейшем

эту землю собственник мог продавать участками другим владельцам. Выгодный кредит на покупку большого участка земли недалеко от японского курорта Омпо в одном из харбинских банков обеспечил Юрию Михайловичу его родственник Б. Ю. Бриннер, крупный дальневосточный предприниматель, имевший швейцарское гражданство. Он же ссудил Янковским часть собственных денег [Янковский, с. 322]. Окончательно встав на ноги, Юрий Михайлович в начале 1930-х гг. уже на собственные средства приобрел новый обширный участок земли на побережье, где был организован курортный поселок Лукоморье.

Хорошие отношения у Янковских сложились с японцами, контролировавшими Корею с 1910 г. [Clark, p. 50]. Колониальная политика Японии в Корею, особенно ужесточившаяся во второй половине 1930-х гг., когда японцы сделали ставку на ассимиляцию корейцев, стимулировала широкий размах национально-освободительного движения. В сопредельных с Кореей районах Маньчжурии действовали корейские партизанские отряды, поддерживавшиеся и в известной степени направлявшиеся со стороны Советского Союза [Гайкин]. В условиях непрекращающегося освободительного движения колониальные власти нуждались в дополнительной опоре. Белые русские эмигранты, жертвы и противники большевистского режима, могли стать естественными союзниками японцев, к тому же их благополучие полностью зависело от колониальных властей. С другой стороны, японцы ценили и поддерживали инициативных и успешных русских предпринимателей.

Еще в середине 1920-х гг. Янковские, вероятно, благодаря знакомству (еще по Сидеми) со служащим японской полиции в Сейсине Кобаяси Масао (в последующем крупный чин в Японской военной миссии — ЯВМ), стали сотрудничать с ЯВМ, японским разведывательным учреждением, занимаясь прослушиванием и записью передач советских ширококовачательных радиостанций [Янковский, с. 419, 462]. Такую практику японская разведка активно использовала для изучения экономического и военно-политического положения в СССР, привлекая к этой работе русских эмигрантов. Работа на ЯВМ давала Янковским 40 иен в месяц, что было неплохим подспорьем в нестабильный период второй половины 1920-х гг. [Там же, с. 462]. Сотрудничество с японской разведкой, отказаться от которого было невозможно, продолжалось вплоть до 1945 г. и стало впоследствии одним из главных обвинений против арестованных советской контрразведкой членов семьи Янковских в их участии в контрреволюционной деятельности.

Сотрудничество с японскими властями не мешало Янковским иметь широкие связи и, как писал Валерий Юрьевич, «по-настоящему душевные отношения с корейцами», главным образом сельскими жителями и особенно охотниками [Там же, с. 355]. По воспоминаниям М. М. Гинце (воспитывавшегося в Харбине с его крупной и достаточно замкнутой русской колонией), одной из поразивших его черт Янковских было их «отношение к корейцам как к совершенно своим»: «Трудно это объяснить, но молодые Янковские были одновременно корейцами и русскими и не имели ни малейшего понятия о расовой исключительности, ни,

тем более, превосходстве» [Гинце, с. 443]. Причину это стоит искать в принадлежности Янковских к культуре фронта.

Подобного рода культура формируется в зоне пограничья (порубежья), особой культурной контактной зоне с ее специфическими социальными условиями, смешением нравов и обычаев и менее жесткой ориентацией на нормативную национально-культурную модель [Басалаева; Замятина]. Такой зоной на рубеже XIX–XX вв. являлся российский Дальний Восток. Еще живя в Сидеми, Янковские контактировали с корейцами, японцами и китайцами. Но если отношения с китайцами в силу постоянного противостояния китайскому бандитизму (хунхузнчеству) были достаточно неприязненными, то к японцам и особенно корейцам семья относилась очень доброжелательно. Как уже отмечалось, долгие годы в семье Янковских жила няня — японка Осада. В качестве приемной дочери Юрий Михайлович и Маргарита Михайловна воспитали кореянку Злату, судьба которой после выхода замуж в 1922 г. за сербского офицера З. М. Цар оказалась трагичной [Шорохи прошлого, с. 145; Янковский, с. 227]. Несколько семей православных корейцев состояли служащими в хозяйстве Сидеми, а позднее в Новине (прежде всего семейство Магай). Все Янковские владели местными языками, но если не все представители старшего поколения знали азиатские языки хорошо, то молодежь владела корейским и японским языками в совершенстве. Также быстро молодое поколение освоило традиции азиатского населения и их этикет, чему В. Ю. Янковский уделяет в своих воспоминаниях немало страниц [Янковский, с. 448–457].

Набранный семьей в 1930-е гг. «запас прочности» не привел к кризису семейного предприятия даже после раскола клана в начале 1940-х гг. Валерий Юрьевич с женой, отделившись от отца и перебравшись на территорию Северной Маньчжурии (округ Канто государства Маньчжоу-го), создал собственный клан, базировавшийся на угодьях Тигрового хутора. С Юрием Михайловичем остались Арсений с семьей, сводный брат Александр (умер в 1944 г.) и еще ряд родственников и соратников. Отношения между «старым» и «новым» кланами были родственными и партнерскими. Конец кланам Янковских положила советская оккупация Маньчжурии и Северной Кореи в ходе войны с Японией. Новая власть, воспользовавшись услугами русских эмигрантов для установления полного контроля над регионом, не оставила им практически никаких шансов для дальнейшей адаптации.

Выводы

Случай семьи Янковских в эмиграции демонстрирует интересный, во многом уникальный вариант социальной адаптации русских эмигрантов на Дальнем Востоке, который может быть обозначен в качестве клановой модели адаптации. Вероятно, в условиях дальневосточного фронта и неразвитости инфраструктуры клановая организация хозяйства еще в российских условиях была наиболее успешной. Высокий уровень консолидации, концентрация основных

финансовых средств в руках главы клана, ориентация детей на семейные ценности и семейную профессиональную сферу, наличие существенного капитала связей и невероятная предприимчивость обеспечили высокий уровень выживаемости и приспособляемости в условиях эмиграции.

Ведущей адаптационной стратегией для таких семей являлось приобретение устойчивого экономического положения, обеспечивавшегося наличием собственности (в отдельных случаях оно дополнялось устойчивым правовым положением, предполагавшим приобретение какого-либо гражданства). Важную роль в процессе успешной адаптации играла характерная для семей, аналогичных Янковским, принадлежность к культуре фронта. Для семей «фронтирной культуры» инокультурные элементы сравнительно безболезненно встраивались в систему семейных ценностей при сохранении ведущей роли в ней национального компонента. Таким образом, принадлежность к культуре фронта создавала условия для интеграции эмигрантских сообществ в новую социально-культурную среду, а ведущая роль национального компонента в системе семейных и групповых ценностей, ориентация на его сохранение и поддержание способствовали диаспоризации эмигрантского сообщества.

Еще одним фактором, способствовавшим благоприятному развитию процесса социальной адаптации русских эмигрантов в Корее, являлся высокий уровень стабильности социального контекста, обеспечивавшийся японским колониальным режимом. В отличие от соседней Маньчжурии, где правила игры в социальном поле для русских эмигрантов постоянно менялись, в Корее они были устойчивыми.

По нашему мнению, «клановая» модель социальной адаптации, которую демонстрирует случай семьи Янковских, имеет перспективы для изучения процесса вхождения в инородную социально-культурную среду крупных предпринимательских семей русских эмигрантов (с учетом их этнической принадлежности) в Харбине.

Источники

Гинце М. М. Новина и Лукоморье, поместья семьи Янковских в Корее (воспоминания юного дачника) // Российское корееведение. Вып. 5. М. : ИСАА МГУ : ИВ РАН, 2007. С. 420–448.

Иванов-Ардашев В. В. Злой рок чужбины. Очерки былого лихолетья : статьи, письма, интервью. Хабаровск : Хабар. краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2008.

Ильина-Лаиль О. Восточная ветвь. СПб. : Звезда, 2003.

Убежище русских «белых» Новина. Газета «Чосон ильбо» о Янковских (1938 год) // Корё Сапам. Записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/ubezhishhe-russkih-belyh-novina-gazeta-choson-ilbo-o-yankovskih-1938-god/> (дата обращения: 11.01.2020).

Шорохи прошлого. Дневники, письма и раннее литературное творчество семьи Янковских, 1907–1954 / Маргарита Янковская, Муза Янковская, Виктория Янковская. Владивосток : Рубеж, 2017.

Янковский В. Ю. От Сидеми до Новины. Дальневосточная сага. Владивосток : Рубеж, 2017.

Bergman S. In Korean Wilds and Villages / transl. by F. Whyte. London : J. Gifford, 1938.

Ossendowski F. Man and Mystery in Asia. New York : E. P. Dutton & Co, Inc., 1930.

Price W. Jap Rule in the Hermit Nation // *The National Geographic Magazine*. 1945. Oct. P. 429–437.

Исследования

Айрапетов В. С. Социальная адаптация вынужденных мигрантов и беженцев // *Вестник РАН*. 1993. Т. 63, № 10. С. 889–893.

Басалаева И. П. Категории фронта: к постановке проблемы // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 2. С. 46–49.

Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // *Вопросы социологии*. 1992. Т. 1, № 2. С. 106–122.

Бочарова З. С. «...не принявшие иного подданства». Проблема социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб.: Нестор, 2005.

Волков С. В. К вопросу о русской эмиграции в Корею в начале 20-х годов // *Российское корееведение*. Вып. 2. М.: ИСАА МГУ: ИВ РАН, 2001. С. 149–157.

Волошина В. Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг. М.: Форум, 2013.

Гайкин В. А. Антияпонское сопротивление в Юго-Восточной Маньчжурии (1937–1941 гг.) // *Россия и АТР*. 2010. № 2. С. 118–125.

Галас М. Л. Россия, которая «самой себе была Лигой Наций»: правовой статус, политическая, социально-экономическая, идеологическая адаптация российских мигрантов, беженцев, реэмигрантов в 1920–1940-х гг. М.: Изд-во Галас М. Л., 2011.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М.: ИДВ РАН, 2004.

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89.

Ипполитов С. С. «Ревниво оберегая чистоту семейного очага»: культура повседневности эмигрантской семьи (1920–1930-е годы) // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2018. № 2 (82). С. 52–64.

Капран И. К. Условия жизни российских беженцев из Владивостока в Корею (1922–1923 гг.) // *Россия и АТР*. 2017. № 1. С. 97–105.

Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб.: Алетей, 2016.

Нитобург Э. Л. Русские в Америке — интеграция или ассимиляция? // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 6. С. 82–104.

Петров В. Шанхай на Вампу. Вашингтон: Русско-Американское историческое о-во, 1985.

Симбицева Т. М. К 100-летию православия в Корею // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 5. С. 42–56.

Симбицева Т. М. Семья Янковских в истории Приморья и русско-корейских отношений // *Российское корееведение*. Вып. 5. М.: ИСАА МГУ: ИВ РАН, 2007. С. 407–412.

Смирнов С. В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007.

Ставров И. В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // *Ойкумена*. 2010. № 4. С. 58–64.

Судьбы людей: Россия, XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Ин-т социологии, 1996.

Сумская М. Ю. Русская эмиграция в 20–30-х годах XX века: социальная, правовая и экономическая адаптация. Питигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011.

Уяньцо, Цю Сюэтин. К вопросу культурно-лингвистической и профессиональной адаптации историков-эмигрантов «первой волны» // *Политическая лингвистика*. 2018. № 2 (68). С. 123–129.

Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: история и психология. СПб.: СПбГАК, 1995.

- Хисамутдинов А. А. Русские в Америке: проблема адаптации // Ойкумена. 2010. № 4. С. 9–15.
- Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социс. 1995. № 9. С. 81–88.
- Шкаровский М. В. Русская православная духовная миссия в Коре // Христианское чтение. 2010. № 2 (33). С. 86–119.
- Щупленков Н. О. К вопросу изучения адаптационных возможностей российской эмиграции 1920–1930 годов // История государства и права. Отечественная история. 2014. № 4 (8). С. 1–9.
- Clark D. N. Vanished Exiles: The Prewar Russian Community in Korea // Korean Studies: New Pacific Currents. Honolulu : Center for Korean Studies, University of Hawaii, 1994. P. 41–55.
- Simbirtseva T. In Memory of Valery Yankovsky // Acta Koreana. 2010. Vol. 13, No. 1. P. 203–207.

References

- Airapetov, V. S. (1993). Sotsial'naia adaptatsiia vyzhivaniya migrantov i bezhentsov [Social Adaptation of Forced Migrants and Refugees]. *Vestnik RAN*, 63(10), 889–893.
- Basalaeva, I. P. (2012). Kategorii frontira: k postanovke problemy [Frontier Categories: On the Articulation of the Issue]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2, 46–49.
- Berto, D., & Berto-V'yam, I. (1992). Nasledstvo i rod: transliatsiia i sotsial'naia mobil'nost' na protiazhenii piati pokolenii [Inheritance and the Family: The Transmission and Social Mobility over Five Generations]. *Voprosy sotsiologii*, 1(2), 106–122.
- Bocharova, Z. S. (2005). "...ne priniavshie inogo poddanstva". Problema sotsial'no-pravovoi adaptatsii rossiiskoi emigratsii v 1920–1930-e gody ["...who has not accepted any other citizenship". The Problem of Social and Legal Adaptation of Russian Emigration in the 1920s and 1930s]. St Petersburg: Nestor.
- Clark, D. N. (1994). Vanished Exiles: The Prewar Russian Community in Korea. In *Korean Studies: New Pacific Currents* (pp. 41–55). Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawaii.
- Freinkman-Khrustaleva, N. S., & Novikov, A. I. (1995). *Emigratsiia i emigrant: istoriia i psikhologiiia* [Emigration and Emigrants: History and Psychology]. St Petersburg: SPbGAK.
- Gaikin, V. A. (2010). Antiiaponskoe soprotivlenie v Iugo-Vostochnoi Man'chzhurii (1937–1941 gg.) [Anti-Japanese Resistance in South-Eastern Manchuria (1937–1941)]. *Rossiiia i ATR*, 2, 118–125.
- Galas, M. L. (2011). *Rossiiia, kotoraiia "samoi sebe byla Ligoi Natsii": pravovoi status, politicheskaiia, sotsial'no-ekonomicheskaiia, ideologicheskaiia adaptatsiia rossiiskikh migrantov, bezhentsov, reemigrantov v 1920–1940-kh gg.* [Russia, Which Was "Itself a League of Nations": Legal Status, Political, Socio-Economic, and Ideological Adaptation of Russian Migrants, Refugees, and Re-Emigrants in the 1920s and 1940s]. Moscow: Publishing House of Galas M. L.
- Goverdovskaya, L. F. (2004). *Obshchestvenno-politicheskaiia i kul'turnaia deiatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae v 1917–1931 gg.* [Socio-Political and Cultural Activities of the Russian Emigration in China in 1917–1931]. Moscow: IDV RAN.
- Ippolitov, S. S. (2018). "Revnivo oberegaia chistotu semeinogo ochaga": kul'tura povsednevnosti emigrantskoi sem'i (1920–1930-e gody) ["Jealously protecting the purity of the family hearth": The Culture of Everyday Life of an Emigrant Family (1920–1930s)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2 (82), 52–64.
- Kapran, I. K. (2017). Uslovia zizni rossiiskikh bezhentsov iz Vladivostoka v Koree (1922–1923 gg.) [Living Conditions of Russian Refugees from Vladivostok in Korea (1922–1923)]. *Rossiiia i ATR*, 1, 97–105.
- Khisamutdinov, A. A. (2010). Russkie v Amerike: problema adaptatsii [Russians in America: The Problem of Adaptation]. *Oikumena*, 4, 9–15.
- Nazemtseva, E. N. (2016). *Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniakh (1920–1940-e gg.)* [At the Diplomatic Level: Problems of the Legal Status of Russian Emigrants in China in the Soviet-Chinese Relations (1920–1940s)]. St Petersburg: Aletea.
- Nitoburg, E. L. (2001). Russkie v Amerike – integratsiia ili assimiliatsiia? [Russians in America – Integration or Assimilation?]. *Etnographicheskoe obozrenie*, 6, 82–104.

Petrov, V. (1985). *Shanghai na Vampu* [Shanghai for Whampoa]. Washington: Russian-American Historical Society.

Semenova, V., & Foteeva, E. (Eds.). (1996). *Sud'by ludei: Rossiia, XX vek. Biographii semei kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniia* [Destinies of People: Russia, 20th Century. Biographies of Families as an Object of Sociological Research]. Moscow: Institut sotsiologii.

Shabanova, M. A. (1995). Sotsial'naia adaptatsiia v kontekste svobody [Social Adaptation in the Context of Freedom]. *Sotsis*, 9, 81–88.

Shchuplenkov, N. O. (2014). K voprosu izuchenii adaptatsionnykh vozmozhnostei rossiiskoi emigratsii 1920–1930 godov [On the Issue of Studying the Adaptive Capabilities of Russian Emigration in 1920–1930]. *Istoriia gosudurstva i prava. Otechestvennaia istoriia*, 4 (8), 1–9.

Shkarovski, M. V. (2010). Russkaia pravoslavnaia dukhovnaia missiia v Koree [Russian Orthodox Spiritual Mission in Korea]. *Khristianskoe chtenie*, 2 (33), 86–119.

Simbirtseva, T. M. (2000). K 100-letiiu pravoslavia v Koree [For the 100th Anniversary of Orthodoxy in Korea]. *Etnographicheskoe obozrenie*, 5, 42–56.

Simbirtseva, T. M. (2007). Sem'ia Yankovskikh v istorii Primor'ia i russko-koreiskikh otnoshenii [The Yankovsky Family in the History of Primorye and Russian-Korean Relations]. In *Rossiiskoe koreevedenie* (Vol. 5, pp. 407–412). Moscow: ISAA MGU; IV RAN.

Simbirtseva, T. (2010). In Memory of Valery Yankovsky. *Acta Koreana*, 13(1), 203–207.

Smirnov, S. V. (2007). *Rossiiskie emigranty v Severnoi Man'chzhurii v 1920–1945 gg. (problema sotsial'noi adaptatsii)* [Russian Emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (the Problem of Social Adaptation)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Stavrov, I. V. (2010). Nekotorye voprosy adaptatsii rossiian v Man'chzhurii v pervoi polovine XX veka [Some Questions of Adaptation of Russians in Manchuria in the First Half of the 20th Century]. *Oikumena*, 4, 58–64.

Sumskaia, M. Yu. (2011). *Russkaia emigratsiia v 20–30-kh godakh XX veka: sotsial'naia, pravovaia i ekonomicheskaiia adaptatsiia* [Russian Emigration in the 1920s–1930s: Social, Legal and Economic Adaptation]. Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoe agenstvo na Kavminvodakh.

Volkov, S. V. (2001). K voprosu o russkoi emigratsii v Koree v nachale 20-kh godov [On the Question of Russian Emigration in Korea in the Early 1920s]. In *Rossiiskoe koreevedenie* (Vol. 2, pp. 149–157). Moscow: ISAA MGU; IV RAN.

Voloshina, V. Yu. (2013). *Vyrvannye iz rodnoi pochvy: sotsial'naia adaptatsiia rossiiskikh uchenykh-emigrantov v 1920–1930-e gg.* [Torn from Their Native Soil: Social Adaptation of Russian Émigré Scientists in the 1920s and 1930s]. Moscow: Forum.

Wu Yanqiu, & Qiu Xueping. (2018). K voprosu kul'turno-lingvisticheskoi i professsional'noi adaptatsii istorikov-emigrantov “pervoi volny” [On the Issue of Cultural-linguistic and Professional Adaptation of Émigré Historians of the “First Wave”]. *Politicheskaiia lingvistika*, 2 (68), 123–129.

Zamyatina, N. Yu. (1998). Zona osvoeniia (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh [The Frontier Zone and Its Image in American and Russian Cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 75–89.

Смирнов Сергей Викторович

доктор исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Smirnov, Sergei Viktorovich

Dr. Hab. (History), Associate Professor
Department of Modern and Contemporary
History
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: smirnov_sergei@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9283-8166>
Scopus AuthorID: 56768978800